Константин Глазков

От Археологии периферии к Археологии смыслов

Археология периферии (2013). Сборник статей, М.: Strelka Institute.

Одним из самых масштабных российских исследовательских проектов в области изучения городов является междисциплинарный сборник «Археология периферии» [Левинсон, 2013; Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013а; Богоров, Новиков, Серова, 2013], выпущенный к ежегодному Московскому урбанистическому форуму. Базовую позицию авторов можно сформулировать следующим образом: Москва — город, который развивался за счет экстенсивной однотипной застройки вне Садового кольца. Поэтому то, что сейчас называется Москвой, скорее, следует обозначить как периферию Москвы, фиксируя факт невнимания чиновников и горожан к этой территории. Исходя из данной интуиции, участники «Археологии» анализировали эти «градосоставляющие» (но ни в коем случае не «градообразующие») пространства и их потенциал развития.

Мы начнем рецензию с обзора статей разделов «Общество», «Культура» и «Данные»[1], затем постараемся осмыслить парадоксы «немобильности» и «смысловой пустоты», и в заключение покажем, как их можно преодолеть, предложив новый вектор исследований.

Спасти процветающую периферию

Пожалуй, самый контринтуитивный вывод «Археологии» заключается в том, что у периферии уже все есть для процветания.

Глазков Константин Павлович — бакалавр социологии, студент магистратуры Высшей школы урбанистики. Научные интересы: социальная география, сетевой анализ, ментальные карты. E-mail: glk@gorod.org.ru

1 Исследование «Археология периферии» помимо шести эмпирических разделов (S — «Общество», P — «Политика», A — «Архитектора», C — «Культура», E — «Экономика», D — «Данные») включает также многочисленные обзоры по опыту зарубежных городов. В рамках данной рецензии мы сделаем акцент на разделах «Общество», «Культура» и «Данные».

Так, авторы раздела «Общество» указывают, что жители периферии неплохо знакомы и общаются друг с другом [Левинсон, 2013, с. 360]. Респонденты отмечают, что в районе представлены объекты сервисной и повседневной инфраструктуры (от продуктовых магазинов и станций метро до кинотеатров и ресторанов). Жители периферии высоко оценивают свой район проживания, проводят здесь основную часть времени, а большинство и вовсе его не покидают [Левинсон, 2013, с. 365, 367, 373]. Центр по результатам опроса, напротив, предстает непонятной территорией, не слишком востребованной, в том числе в плане культурного потребления. Там редко кто бывает, за исключением стереотипного москвича — молодого состоятельного мужчины, который, конечно, не может представлять население столицы. Утверждение Левинсона о несостоятельности центра с точки зрения административной функциональности — «центр Москвы — не для этого» — можно адресовать к любой сфере городской жизни. Остается вопрос: а для чего же тогда? Символический ресурс центра остается непроясненным.

Линию рассуждений подтверждают исследователи, представленные в разделе «Данные». Геолокационная фиксация сигнала мобильных телефонов оператора «Мегафон» разрушает миф о сверхподвижной столице. Авторы отмечают, что, напротив, большинство перемещений осуществляется не между центром и периферией, а в пределах самой периферии, зачастую в рамках одного района [Богоров, Новиков, Серова, 2013, с. 387].

Авторы раздела «Культура» сравнивают периферию и центр, замеряя число культурных и сервисных учреждений, а также их «заметность». На основе тепловых карт выделяются четыре «спящих» центра (Черемушки, Измайлово, Сокол, Марьино); они функционально богаты, но пока «не выстреливают» в своем развитии, поскольку «градостроительно и архитектурно эти центры никак не выражены» [Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013а, с. 9].

Авторы руководствуются теоретической позицией Л. Мамфорда, отмечая, что «город сам начнет воспроизводить свою логику, выделяя из себя места с наложением функций, станет сам выстраивать свой центр» [Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013б, с. 287]. Эта логика подчинена тактике обживания пространства, которая реализуется горожанами порой вопреки всем мыслимым препятствиям в виде «равнонапряженной сетки культурного потребления». При этом ключевой метод изучения обживания, в результате которого возникает город с его центрами и составляющими, — «карта функциональной изометрии, которая демонстрирует, каким образом было обжито пространство периферии» [Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013б, с. 287].

Нет ли тут подмены причины следствиями? Почему вместо изучения того, как горожане пользуются городским пространством, как потребление вступает в конфликт с существующей культурной инфраструктурой[1], мы ограничиваемся случайным наложением функций[2]?

Немало вопросов вызывает и трудоемкая методика получения карты функциональной изометрии. Авторы исходят из того, что за наблюдаемыми пространственными распределениями функций скрывается нечто «ненаблюдаемое» — потенциал для активизации протоцентров периферии.

Но вместо того чтобы искать латентные основания взаимозависимой ковариации данных (в данном случае городских сервисов), авторы прибегают к методу главных компонент, который сжимает данные до минимальной размерности с наименьшими потерями. Иначе говоря, этот метод позволяет сделать на базе нескольких переменных индекс, который затем можно вместо них подставлять для расчетов.

Минусы такой стратегии заключаются в том, что нам остаются непонятны причины взаимозависимой ковариации признаков. «Первая главная компонента, обладающая наибольшей информационной емкостью, содержит в себе более 46% данных, вторая — более 6% и т. д.» [Гаврилов, Тарновецкая, 2013, с. 296] — исследователи подменяют массив данных одной переменной, которая теряет *всего* 53% информации. Но дело даже не в размерах потери, а в возможности последующих интерпретаций. Так, с первой компонентой наиболее тесно (значения от 0,88 и выше) коррелируют переменные «банкоматы», «кассы обменных валют», «косметология», «студии маникюра», «туристические агентства», «центры дополнительного образования» и другие [Гаврилов, Тарновецкая, 2013, с. 294]. Что содержательного о компоненте позволяет нам сказать такой разношерстный набор? Думается, мало кого бы устроили

1 Противопоставление тактики и стратегии в духе Мишеля де Серто может быть реализовано, если вести постоянное сопоставление данных и результатов всех разделов исследования. Например, в данном случае было бы уместно затеять продуктивную дискуссию о культурном потреблении в разделе «Общество» и карты функциональности раздела «Культура». К сожалению, зачастую авторы разделов не покидают зоны своей ответственности и никак не апеллируют к результатам коллег.

2 «Почему происходит это формирование протоцентров? Одно из самых наиболее остроумных объяснений логики такого процесса приводит Александр Долгин. <...> Ответ оказывается парадоксальным: для этого нет оснований» [Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013б, с. 287].

интерпретации, что точки (например, Марьино и Измайлово) с высокими значениями первой компоненты — это спящие финансово-косметологические протоцентры периферии, в которых также расположены туристические агентства и центры дополнительного образования. Ситуация усугубляется еще и тем, что вторая компонента тесно коррелирует со схожим набором переменных: студия маникюра (0,9), косметология (0,83). Это указывает на то, что модель в виде двух компонент не позволяет их как-либо интерпретировать еще и по той же причине, что на лицо взаимная корреляция самих компонент[1].

Гораздо более продуктивным представляется полноценный факторный анализ, который бы позволил определить *интерпретируемое* число латентных факторов. Возможно, в результате часть переменных первого фактора («финансового») перегруппировались бы в пользу второго («индустрия красоты») и остальных. Финансовые переменные перестали бы необъяснимо соседствовать с косметологическими.

Неоправданным методологически кажется и последующий шаг — кластерный анализ на базе выявленных компонент [Гаврилов, Тарновецкая, 2013, с. 298]. Осуществлять поиск естественной группировки данных не на базе всего массива, а с помощью кластеризации редуцированных и неинтерпретируемых компонент — крайне запутанная операция. На наш взгляд, более продуктивно сделать факторный анализ и определить наборы переменных, ассоциирующихся с тем или иным фактором. Затем по каждому набору провести кластерный анализ точек, а результаты представить в виде карт для последующего сопоставления их пространственной конфигурации.

(Не) мобильность периферии и (не) важность центра

Резюмируем вышесказанное: авторы «Археологии» успешно преодолевают стереотипы об упадочности периферии, предлагая читателю возможности для ее развития. Смущают лишь случаи, когда отдельные интерпретации в большей степени продиктованы установкой «спасти периферию», а исследователи выдают желаемое за действительное без оглядки на собственные данные.

Да, у периферии все уже есть, но почему-то она все еще остается периферией, где протоцентры «спят», а население зависит от центра и мечтает быть поближе к нему. Удивительно, почему жители периферии, перемещаясь и удовлетворяя свои потребности

1 Их собственные векторы не перпендикулярные, а косоугольные.

в основном в ее пределах, неплохо представляя своих соседей, не образуют территориальных сообществ, активно защищающих свои интересы? Почему районы периферии разнятся по насыщенности инфраструктурой и функциями, но периферия в целом остается безликой и слабо дифференцируемой[1]?

Принимая в учет удивительную «немобильность» населения Москвы [Левинсон, 2013, с. 373; Богоров, Новиков, Серова, 2014, с. 387], нам бы хотелось переосмыслить роль этого фактора в феномене периферии.

Авторы раздела «Общество» часто описывают различие между москвичами и немосквичами (теми, кто не родился в Москве) через самые разные показатели (от дохода и удовлетворенности жизнью до оценки привлекательности района проживания). Причем, на наш взгляд, тщательно рассматриваются описательные, а не такие конституирующие признаки, как, например, мобильность. В нашей интерпретации немосквичи — это люди, которые приехали в Москву, т. е. оказались или ежедневно оказываются в городе специфическим образом. Другими словами, они обладают иными условиями мобильности по сравнению с резидентами столицы.

В ходе опроса людей на улицах в периферийных районах получилось следующее распределение. Немосквичи «попадались» в районе текущего проживания гораздо чаще москвичей (31% против 7). Значит ли это, что они в большей степени домоседы и живут/работают в своем районе? Мы склоняемся к ответу «скорее, да», так как, вероятно, немосквичи выбирают район проживания ближе к работе. Москвичи же чаще не выбирают место жительства, но наследуют его и реже пытаются приблизить жилье к работе.

Значительных различий в типах транспорта, с помощью которого респондент добрался до места опроса, между москвичами и немосквичами не наблюдается. Исключением остается метро, где у москвичей существенный перевес над немосквичами — 57% против 24. Но это объясняется другим перевесом, немосквичи зачастую пользуются электричкой — 23% против 1 [Левинсон, 2013, с. 361]. Использование электрички или метро может служить маркирующим отличием немосквича от москвича. Москвич — это тот, кто перемещается по Москве особым образом и с особым интересом, а именно с помощью метро и на работу (по делам). Немосквич в большей степени склонен либо вовсе не перемещаться

1 «Но если спрашивать современных москвичей или приезжих, чем различаются между собой Бибирево и Чертанова, Перово и Беляево и т. д., то ответы на эти вопросы будут не слишком четкими. На уровне культурной рефлексии <...> вся московская периферия представляет собой один район» [Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013б, с. 285].

по Москве (так как выбирал район проживания ближе к работе), либо задействовать такой вид транспорта (мобильности), как электричка. Спускаясь в метро, немосквич стирает различия, приобщаясь к чисто московскому потоку мобильности, а значит, становится москвичом. Перед метро все равны.

В интерпретации данных «Археологии» мы, напротив, часто встречаем категорию «маломобильное население», которому нравится жить на периферии города. Тем не менее, *при оценке привлекательности/непривлекательности своего района жители чаще отмечают его «мобильные» свойства»*[1]. Что кажется привлекательным — «Хорошая транспортная доступность»: у москвичей 38% (второй результат после модального «развитость социальной инфраструктуры» в 40%), у немосквичей 31% (мода). Что кажется непривлекательным — «Далеко от центра города» и «Плохая транспортная обеспеченность»: у москвичей 17 и 18% (мода — «монотонная жилая застройка» 19%), у немосквичей 21% (мода) и 13% [Левинсон, 2013, с. 367].

Показательно, что при оценке привлекательности и непривлекательности исследователи использовали парные показатели. В обоих вопросах как положительно, так и отрицательно оценивались благоустроенность, инфраструктура, безопасность. Но если в вопросе, что кажется непривлекательным, есть вариант «далеко от центра», то в вопросе о привлекательном такого варианта нет. Интересно, как бы ответили респонденты, если бы в вопросе, что вам нравится в вашем районе, был вариант «он находится близко к центру»?

1 Схожую догадку высказывает Кирилл Пузанов. «Соответственно при условии хорошо развитой системы общественного транспорта особых различий во времени, затраченном на дорогу до места работы, у горожан нет. Возможно, в иных условиях, например при изучении границ ВВР [внутригородских вернакулярных районов] в российских городах, именно эти показатели оказались бы наиболее значимыми». [Пузанов, 2013, с. 34]. Спорной в то же время остается важность «времени в пути до места работы». В исследовании «Археология» привлекательность района с точки зрения близости к месту работы имеет средние значения (21 и 18%), а в непривлекательности район должен быть ближе к центру, чем к работе (17 против 10%, 21 против 4%). В результате получаем вилку: либо жители Москвы выбирают работу ближе к жилью (что больше подходит категории «немосквичи», только они выбирают, скорее, жилье под работу) и умеренно оценивают этот показатель как данность, либо население работает далеко от дома и им кажется это нормальным (категория «москвичи»). Исследования в сфере труда подтверждают, что реалистичнее второй сюжет: размер зарплаты и условия труда важнее, чем близость работы. Поэтому мобильность района и его связи с центром важны по иной причине. Важно (не) просто быть ближе к центру!

Помимо мобильности жителям (москвичам) от района проживания важны благоустроенность (30%), дешевизна жизни (35%), социальная инфраструктура (40%) и экология (25%), т. е. дешево и комфортно. Следовательно, места развлечений (включая объекты культуры) (16%), безопасность (14%), хорошие соседи (16%) — это не показатели хорошего района проживания, как, вероятно, хотелось бы констатировать исследователям «Археологии» [Левинсон, 2013, с. 369]. За этим следует куда-то ехать, например, в центр.

Невысокие значения перечисленных показателей свидетельствуют не столько о том, что такие характеристики малозначимы для жителей периферии, сколько о том, а что они применяются для оценки качества других районов города. Пожалуй, культура (разнообразие культурно-досуговых практик), безопасность (обобщенная, а не на уровне межличностного доверия) и соседи (скорее, по духу, чем территориально) — это и есть атрибуты сугубо городской жизни. Для нее не характерны дешевизна и комфорт, а уж тем более хорошая экологическая ситуация. В результате центр принимает на себя черты городской жизни, в то время как периферия (район проживания) снимает негативные последствия городского напряжения.

Пространство без места. К постановке вопроса

Наша попытка сделать акцент на мобильности как инструменте различения не только населения, но и структурных единиц города, находит поддержку среди авторов «Археологии» там, где они описывают «пространства без места». «В общественном сознании „серединная зона“ Москвы представляется по сути „пустым“ с точки зрения культурного осмысления, *транзитным пространством* (курсив мой — *К. Г.*), зажатым между смысловыми полюсами „центра“ и „периферии“» [Богоров, Новиков, Серова, 2014, с. 387]. Тем самым исследователям удается нащупать ключевые проблемы периферии, что позволяет продвинуться дальше в поисках решений.

На наш взгляд, мобильность (и ее локальное последствие в виде транзитных пространств) имеет прямую связь со смысловой пустотой. Чем выше мобильность, тем ниже вероятность того самого «обживания, благодаря которому человек преобразует абстрактное „пространство“ в конкретное, имеющее личную значимость» [Богоров, Новиков, Серова, 2014, с. 388].

Причем нельзя однозначно заявить, что смысловая скудность — бич периферии Москвы, а не города в целом. К сожалению, как и любой big data-проект, проведенный транспортный

и семантический анализ опирается на большой массив данных, степень погрешности и осмысленности которых сложно оценить. Приравнивая перемещение мобильного телефона к перемещению человека, мы используем технологическую метафору, слабость которой в современных реалиях даже не проблематизируется. Между тем можно представить массу ситуаций, которые она не улавливает[1].

Положение усугубляют систематические смещения, вызванные неместными сим-картами и московскими сим-картами по всему миру. Первые для «Археологии» остались невидимыми, так как данные устройств этих абонентов не относятся к московскому региону. Вторые, напротив, тщательно вычищались, чтобы сделать акцент на московской агломерации. Насколько обоснованы выбор данных и предпринятые меры по их обработке? Не ставит ли нас в неудобное положение выбранная стратегия, в рамках которой мы, изучая мобильность, осознанно отказываемся от ее наиболее ярких проявлений (наплыв мобильных чужаков или «расползание» Москвы по планете)?

От Археологии периферии к Археологии смыслов

Исследование «Археология периферии», обзор которого в рамках нашей рецензии сводится к рассмотрению трех разделов,

1 Примеры мысленных экспериментов: 1) забыл мобильный телефон дома, 2) попросил передать устройство другому человеку, 3) или курьер перемещается с телефоном только по метро, и вышки связи отмечают лишь точку «погружения» и точку «всплытия» из метро, которая может совпадать. В итоге человек не двигался? А пока «не двигался», где был? Совсем нелепой представляется ситуация, когда жилая единица делится двумя (и более) сотовыми ячейками. Как бороться и вычищать курсирующую мобильность между кухней и уборной? Что делать с многочисленным классом челночных мобильностей в виде общественного транспорта, доставки пиццы и того подобного?

Другая находка раздела «Данные», связанная с семантическим анализом социальных сетей, тоже не может не вызывать подозрений об адекватности низовых данных [Богоров, Новиков, Серова, 2014, с. 394–405]. В связи с чем человек упоминает то или иное место в социальной сети? В какой ситуации делается упоминание? А что не упоминается? Какие коммуникативные особенности среды (социальной сети) как сказываются на содержании упомянутых мест? Эти и другие вопросы, список которых можно продолжать, требуют качественной проверки для оценки погрешности крупномасштабных статистических проектов. Пока мы не можем оценить систематический сдвиг в данных и их погрешность, нам сложно быть уверенными в их значимости.

безусловно, заслуживает внимания и самых положительных отзывов. Во-первых, впечатляет масштаб проекта, качество и трудоемкость проделанных замеров и анализа. Во-вторых, самых лестных слов заслуживает попытка провести комплексное урбанистическое исследование, собравшее специалистов из разных дисциплин. Именно благодаря проделанной работе Московский урбанистический форум 2013 г. впервые прошел в формате выставочного, а не лекционного пространства — организаторам наконец-то было, что показать зарубежным коллегам.

Эти и другие плюсы хорошо освещены периодическими изданиями и сайтами, а авторы сборника продолжают собирать многотысячные вебинары. Именно поэтому мы столь мало говорили о сильных сторонах «Археологии», стараясь делать акцент на недоработках и лакунах. Среди них мы бы выделили: 1) конфликт между установкой спасти периферию, полученными данными и интерпретацией; 2) фокус на периферии в ущерб рассмотрению ее связи с центром; 3) недостаточная сфокусированность на выявленных противоречиях и вопросах, оставленных без ответа (что осталось непонятным); 4) отсутствие метарефлексии, сопоставления результатов — зачастую авторы соседних разделов приходят к одному выводу разными путями, но не замечают этого; еще хуже, когда незамеченными остаются коллизии интерпретаций.

Фокус исследования, рассматривающий периферию как изолированный феномен, ставит ученых в сложное положение. Интерпретации, которые не соотносят периферию с центром, обречены на парадоксальность.

Периферия останется на периферии внимания горожан, пока в ней не найдется сильного смыслового ядра. Невозможность занять самодостаточную позицию стоит периферии очень дорого. Она рискует полностью потерять значимость, обретя лишь не-места функциональности и протоцентры наложения функций. Былые места и их смыслы уходят вслед за исчезающими оппозициями, которые позволили их некогда выделить. Эти размышления подтверждают работы раздела «Культура». «Наложение карты функциональной изометрии на карту Москвы и ее окрестностей 1939 года с обозначением деревень, которые сегодня вошли в черту Москвы, показывает прямую и обратную зависимость формирования новых центров от тех поселений, которые здесь существовали ранее. Новые центральные места нередко возникают в противовес деревенским» [Ревзин, Тарновецкая, Чубукова, 2013б, с. 288].

Парадоксы периферии требуют искать смысловое ядро Москвы, которое конструирует навязываемые горожанам различия. Первые

скромные попытки в этой области подсказывают, что представления жителей о центре, — казалось бы, довольно предсказуемом и знакомом — насыщены разнородными коннотациями, отсылающими, например, к Западной Европе, XIX веку, временам Гиляровского и Горького[1]. Приходится констатировать сильный разрыв между означающим и означаемым. Москва значимая совсем не похожа на Москву сегодняшнего дня. Вопрос, какая из них настоящая, остается открытым.

Библиография

Богоров В., Новиков А., Серова Е. (2013) *Самопознание города. Археология периферии. Раздел D — «Данные».* [Московский урбанистический форум]. М.: 382–407.

Гаврилов А., Тарновецкая Р. (2013) *Интегральный анализ социально-урбанистических данных. Археология периферии. Раздел С — «Культура».* [Московский урбанистический форум], М.: С. 290–299.

Левинсон А. (2013) *Текучее и недвижное в московской периферии. Археология периферии. Раздел S — «Общество».* [Московский урбанистический форум]. М.: 314–381.

Пузанов К. (2013) Территориальные границы городских сообществ. *Социология власти*, (3): 34.

Ревзин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. (2013а) *Метагорода в стране Москва. Серия «Библиотека Суперпарка».* [Московский урбанистический форум], М.

Ревзин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. (2013б) *Модернистский проект городской культуры и его судьба в Москве. Археология периферии. Раздел С — «Культура».* [Московский урбанистический форум], М.: 280–289.

References

Bogorov V., Novikov A., Serova E. (2013) *Samopoznanie goroda. Arkheologiya periferii. Razdel D — «Dannye».* [Moskovskiy urbanisticheskiy forum]. M.: 382–407.

Gavrilov A., Tarnovetskaya R. (2013) *Integral'nyy analiz sotsial'no-urbanisticheskikh dannykh. Arkheologiya periferii. Razdel C — «Kul'tura».* [Moskovskiy urbanisticheskiy forum], M.: S. 290–299.

Levinson A. (2013) *Tekuchee i nedvizhnoe v moskovskoy periferii. Arkheologiya periferii. Razdel S — «Obshchestvo».* [Moskovskiy urbanisticheskiy forum]. M.: 314–381.

Puzanov K. (2013) Territorial'nye granitsy gorodskikh soobshchestv // *Sotsiologiya vlasti*, (3): 34.

Revzin G., Tarnovetskaya R., Chubukova M. (2013a) *Metagoroda v strane Moskva. Seriya «Biblioteka Superparka».* [Moskovskiy urbanisticheskiy forum], M.

1 См. в этом номере статью Глазков К., Зверева Е. Любимый район: к вопросу о привязанности к городу.

Revzin G., Tarnovetskaya R., Chubukova M. (2013b) *Modernistskiy proekt gorodskoy kul'tury i ego sud'ba v Moskve. Arkheologiya periferii. Razdel C — «Kul'tura».* [Moskovskiy urbanisticheskiy forum], M.: 280–289.